

Рисунки худ. С. Лодыгина

Научно-фантастический рассказ

Мориса Ренар

I. Таинственный метеор.

Около 10 часов утра человек, которого мы спасли, открыл, наконец, глаза.

Я ожидал, что несчастный проведет дрожащей рукой по лбу и слабым голосом произнесет: «Где я?». Но ничего подобного не произошло. Спасенный пролежал несколько времени спокойно, тупо смотря перед собой. Потом взгляд его засветился умом и энергией, и он стал прислушиваться к шуму винта и плеску волн о корпус судна. Затем он приподнялся, сел на узкую койку, на которую мы его положили, и стал спокойно осматривать каюту, как будто нас с Гаэтаном там и не было. Мы молча следили, как он подошел к иллюминатору и стал смотреть на море, потом отвернулся и осмотрел поочередно каждого из нас без любопытства и без церемонии, как мебель, которую он не успел до того заметить.

После этого он сложил руки и погрузился в глубокую задумчивость. Судя по его красивому и умному лицу и одежде, с которой все еще стекала вода, мы приняли его за человека интеллигентного. Поэтому его поведение нас очень удивило.

«Не будем делать поспешных заключений, — подумал я. — Странное поведение незнакомца можно приписать душевному потрясению, которое он пережил, очутившись в волнах. Нам надо беспокоить его. Его задумчивость вполне оправдывается его необъяснимым появлением на нашем судне».

Но Гаэтан, видя его совершенно здоровым и негодуя на его поведение, не мог молчать.

— Ну-с. — сказал он со свойственной ему бесцеремонностью, — как делишки?

Лучше, а? — И он несколько раз повторил свой дурацкий вопрос, не получая на него ответа.

Незнакомец был, повидимому, удивлен этим странным тоном. Он сравнивал изящную одежду Гаэтана с его грубым обращением и, наконец, соблаговолил знаками ответить, что ему лучше.

«Отлично, — подумал я, — он понимает французский язык; наверное, земляк».

— Вам, однако, повезло, дружище, — продолжал Гаэтан. — А без нас, знаете, вам пришлось бы плохо. Да что вы, спите, что ли? Или рот у вас склеен? Отчего вы ничего не отвечаете?

— Вам где-нибудь больно? — спросил я, оттесняя своего друга от незнакомца, скорее, для того, чтобы избавить его от докучливых приставаний, чем для того, чтобы осведомиться о его здоровье.

Но спасенный отрицательно покачал головой и продолжал думать. Мои опасения увеличились, и я обменялся с Гаэтаном тревожным взглядом.

— Не хотите ли пить? — спросил я. Тогда, указывая на меня пальцем, спасенный спросил с каким-то неопределенным акцентом:

— Врач?

— Нет, — весело ответил я, — о, нет.

А так как взгляд его оставался вопрошательным, я добавил:

— Романист. Писатель... вы понимаете? — И я следил за выражением лица нашего гостя.

Он довольно приветливо кивнул мне, и потом, мотнув головой, бесцеремонно указал на Гаэтана.

— Я? Я ничего не делаю, — ответил тот со своим дурацким смешком и при-

бавил, употребляя прозвища, которые я давал ему:

— Бездельник, лентяй, бродяга — вы понимаете?

Я следил за выражением лица нашего гостя и поспешил вмешаться:

— Это — хозяин судна, — сказал я. — Вы у барона Гаэтана Парадолль, который заметил вас в воде. А я — Жеральд Синклер, спутник его в этом плавании.

Но вместо того, чтобы представиться в свою очередь, как я этого ожидал, наш гость проговорил, с трудом подбирая слова:

— Не будете ли добры рассказать мне, что произошло. Я совершенно потерял память в какой-то момент моего несчастья.

На этот раз я прекрасно понял его акцент: это был английский.

— Очень просто, — вмешался опять Гаэтан. — Спустили шлюпку на воду, и матросы вас вытащили.

— А до этого? Что было до этого?

— До чего? До взрыва, может быть? — усмехнулся мой приятель.

Незнакомец выразил на своем лице удивление.

— Какого взрыва?

Я предчувствовал, что Гаэтан сейчас опять рассердится, и решил ответить сам.

— Дорогой мой, — сказал я ему тихо, — разрешите мне переговорить с этим человеком. Он, очевидно, находится в состоянии потери памяти, часто происходящем вследствие сильных потрясений. Он, вероятно, ничего не помнит. Отойдите и ведите себя спокойно.

И, обращаясь к человеку, потерявшему память, я сказал:

— Я сейчас объясню вам все, что относится в вашему приключению. Это заставит вас, быть может, вспомнить все остальное.

Он обхватил руками согнутые колени, положил на них подбородок и стал ждать моего рассказа. Я продолжал:

— Вы находитесь на паровой яхте «Океанида», принадлежащей Гаэтану Парадолль. Капитан ее — Дюваль. Порт — Гавр. Вы здесь в безопасности. Это — прекрасное судно, длиной 90 метров, вместимостью в 2.184 тонны, со скоростью в 15 узлов и машиной в 5.000 лоша-

диных сил. Кроме экипажа и команды его, которых, в общем, 95 человек, нас было на судне только двое — хозяин и я. Мы возвращаемся из Гаванны, куда мой друг ездил для того, чтобы лично выбрать и закупить на месте сигар...

Я ожидал, что это сообщение вызовет у нашего гостя сильное удивление. Но он не обратил и внимания на эту мелкую подробность.

— Наше возвращение, — продолжал я, — протекало в благополучном образии, пока, три дня тому назад, не испортилось что-то в машинах. Пришлось остановить их. Сегодня 21 августа, следовательно, это случилось 18-го. Механики сейчас же занялись исправлением сломанного шатуна, и капитан решил воспользоваться остановкой, чтобы укрепить руль судна. Мы находились под 40° северной широты и 37° 23' 15" западной долготы, недалеко от Азорских островов, в 1.290 милях от португальских берегов и в 1.787 — от американских. Мы двинулись в путь только сегодня утром на заре.

«18 августа воздух был тих и ясен, море спокойно. Ветра — никакого. «Океанида», предоставленная произволу стихий, стояла совершенно неподвижно. В этом не было решительно ничего веселого. Но капитан уверил нас, что работы будут вестись самым быстрым порядком, и мы отнеслись к своему несчастью с терпением. Было очень жарко, поэтому мы решили перевернуть весь обычный порядок и спать днем, а ночи проводить бодрствуя на палубе. Завтрак нам подавали в 8 ч. вечера, а обед в 4 часа утра.

«Третьего дня, в пятницу 19-го, между этими двумя ночными трапезами, мы прохаживались по палубе, куря сигары при свете луны. Небо было все усеяно созвездиями. То-и-дело мы замечали падающие звезды, оставлявшие после себя яркий след. Я, не отрывая глаз, смотрел на этот дождь метеоров. Все было тихо кругом, и тишина увеличивала торжественную картину ночи. Все спали. В тишине слышались только мягкие звуки наших резиновых подшв.

«Мы в двадцатый раз обходили кругом палубы, когда вдруг услышали в пространстве свист. Почти в то же самое

время, довольно высоко на небе, мы увидели слабо светившееся пятно. Оно двигалось к яхте и с него доносился свист. Пятно выросло, увеличивалось, а затем внезапно исчезло, проплыв над нами с быстротой, слишком незначительной для небесного тела.

«Мы решили все-таки, что это — метеор; вахтенный был того же мнения, несмотря на то, что он за тридцать лет плавания не видал ни разу ничего подобного. Капитан, привлеченный наверх свистом, выслушав наши объяснения, пришел к тому же заключению. Он тотчас же занес в судовой журнал: «20 августа, около 21½ час. ночи, слабо светившийся метеор пролетел в атмосфере прямо над «Океанидой», описав дугу с востока на запад и следуя 40-й параллели, на которой мы стояли».

При этих словах я внимательно посмотрел на нашего гостя. Но он, продолжая сидеть все в той же позе, закрыл глаза и ждал продолжения рассказа.

«Вы можете себе представить, — продолжал я, разочарованный его равнодушием, — что мы только и говорили в ту ночь о метеоре. Появление этой светящейся массы над самым судном в ту минуту взволновало нас, и пронзительный свист, который испускала эта масса, заставил нас втянуть головы и поднять плечи, как солдата под пулями.

«Словом, мы от всей души желали избавиться от такой экспериментальной астрономии, но это не помешало феноменальному явлению повториться сегодня ночью, немного позже и с новыми осложнениями.

«Вчера мой друг, наскучившись стоянкой среди океана, под небом, полным неведомых опасностей, отдал распоряжение исправлять машины судна непрерывно день и ночь. Механики работали сменами по два часа в машинном отделении, а другая партия — в шлюпке у руля. Последняя только-что окончила свою работу и собиралась подняться на борт, когда чудесный болид опять засвистел в воздухе.

«Ночь была такая же звездная, как накануне, и мы вновь увидели в пространстве знакомую бледную туманность, которая неслась прямо на нас. Мой друг заметил, что она двигалась значи-

тельно медленнее, а мне показалось, что свист был не такой громкий и резкий, как вчера. И все-таки движение болида было достаточно быстрым. Через несколько секунд, думали мы, он достигнет зенита, а затем скроется за горизонтом. Вероятно, земля приобрела в нем какого-то нового спутника, какую-то маленькую луну, в роде ночника.

«Но наши ожидания не оправдались. Туманность вдруг засветилась ярко, как солнце, блеснула, как молния, свист прекратился, и раздался оглушительный гром. Я почувствовал сильный удар по диафрагме, сотрясенный воздух чуть не заставил нас задохнуться; вся яхта содрогнулась; поднялся ветер, который сейчас же утих, на несколько минут всколыхнув море...

II. Человек из метеора.

«Когда стало тихо, мы услышали, как множество невидимых предметов упало в воду. Один из них упал около самой шлюпки, но вскоре вынырнул и поплыл. Это были вы; вы всплыли, потому что держались за ручку какой-то двери, странно легкой и сделанной из какого-то неизвестного вещества.

«Матросы вытащили вас из воды, но вы были в обмороке. Не зная, находились ли вы один в... метеоре, капитан приказал исследовать все пространство моря вокруг нас на целые две мили. Но шлюпка не нашла никого и ничего, кроме обломков. Море кругом нас было усеяно ими. Они состояли из какого-то блестящего металла, превосходно державшегося на воде.

«Когда вас подняли на борт, мы уложили вас в этой каюте и стали ждать пробуждения. Обморочное состояние вскоре перешло в здоровый сон, и, когда мы снялись с якоря, вы уже спали. Теперь мы идем в Гавр и будем там, вероятно, через неделю. Вот и все».

— А теперь, — вмешался Гаэтан, — разрешите нам узнать, с кем мы имеем честь беседовать?

Незнакомец покачал головой и ничего не ответил.

— А дверь? — спросил он. — Дверь и осколки?

— Ну, — раздраженно ответил Гаэтан, — они, конечно, остались там, куда

упали. Капитан сказал, что это алюминий, и притом такого плохого качества, что его не стоило вылавливать.

Незнакомец широко улыбнулся. Видя это, Гаэтан дружелюбно сказал ему:

— Расскажите-ка нам, дяденька, в чем тут дело. Мы не разболтаем вашего секрет. Это был, конечно, шар, а? Это ваш дирижабль взорвался, правда? Ну-ка, расскажите нам всю эту историю. А впрочем, если вы не хотите ничего говорить, — прибавил он обиженно, — не говорите. Дело ваше.

Тогда, наконец, наш гость, со своим невыносимым акцентом и смешной торжественностью, рискнул разразиться длинной фразой:

— Господин барон, — произнес он как-то нараспев, — приличия требуют, чтобы я, очутившись так неожиданно вашим гостем, исполнил ваше справедливое желание узнать те обстоятельства, которые были причиной моего появления здесь. Я теперь вспомнил все, что случилось. Но прежде, чем приступить к рассказу, я попросил бы вас дать мне поесть и переменить мое платье.

Гаэтан приказал принести один из его морских костюмов и белье.

— Ваша шкурка мокрая насквозь, — объявил он, помогая незнакомцу раздеться и совершенно не думая о том, что тот не поймет его живописного языка. — Вот ваш кошелек и ваши часы. Остальное, если даже и высохнет когда-нибудь, никуда не будет годиться. Что вы скажете об этих синих брюках и этом кителе с золотыми пуговицами?

— Все равно. Отлично.

В это время Гаэтан со школьническими замашками, от которых он никогда не отвыкнет, открыл часы незнакомца и начал рассматривать.

— А кошелек ваш я не мог открыть, — сказал он.

— Да, — спокойно сказал незнакомец, — у него замок с секретом.

— Тут инициалы «А» и «К», — продолжал Гаэтан. — Как же вас зовут, наконец?

— Меня зовут Арчибальд Клерк. К вашим услугам, мосье. Я — американец из Трентона в Пенсильвании. Все остальное я вам расскажу после того, как закушу. Не одолжите ли мне бритву?

Мы оставили его одного. Я почувствовал большое облегчение после того, как он назвал свое имя. Но Гаэтан бесновался. Он ругал отвратительные манеры Клерка, и изменил о нем свое мнение, только когда американец вошел в столовую.

Облаченный в китель Гаэтана, он оказался обладателем очень приятной наружности. Лицо его было очень приветливо, воспитан он был превосходно, вел себя непринужденно, — словом, мы остались вполне довольны им.

Мистер Арчибальд Клерк ел и пил усердно, не произнося ни слова. За кофе он налил себе рюмку виски, закурил сигару и, протянув нам руку, торжественно произнес:

— Господа! Благодарю вас.

За что он нас благодарил, — за завтрак или за спасение, — осталось неизвестным.

После этого он начал свое повествование, тщательно обдумывая выражения и, как мне казалось, самый рассказ. Я, конечно, не буду воспроизводить в своем рассказе тех смешных ошибок, которые он делал на каждом шагу, в построении фраз и произношении, и буду переводить все меры на метрическую систему.

III. Чета гениальных изобретателей.

— Конечно, вы слышали имя Корбет. Из Филадельфии. Нет? Впрочем, это естественно. Во Франции могут не знать о существовании скромной четы, которая сделала все великие открытия последних лет, но имела несчастье делать их после того, как другие ученые успевали опубликовать о своих: Эдиссон, Кюри, Бертелло, Маркони, Ренар не изобрели ничего, что не было бы изобретено моим зятем Рандольфом и моей сестрой Этель Корбет, но только они изобрели все это немного раньше. Каждый раз оказывалось, что когда мои несчастные родственники доводили свои испытания до конца, какой-нибудь другой ученый уже извещал мир о своем открытии. «Слишком поздно», — казалось, было их девизом. Вот почему вы их не знаете.

У нас это — знаменитая чета; недавно еще газеты восхваляли их несокру-

шимое мужество. Дело шло об опытах над усовершенствованием подводных лодок. В течение последних месяцев они с беспримерным усердием работали над подводными лодками, аэростатами, аэромобилями,—словом, над всеми не вполне обычными способами передвижения. И вот... и вот... Я извиняюсь за то, что говорю так медленно. Ваш язык стесняет меня, он сковывает мою мысль. А затем прошу вас никому не передавать того, что вы услышите, потому что тайна, которую я вам открою, принадлежит не мне.

Итак, продолжаю. 18 августа я уже собирался уходить из конторы, когда мне подали телеграмму с подписью Этель Корбет: «Прошу мистера Арчибальда Клерка, старшего бухгалтера кабельного завода «Братья Реблинг в Трентоне, Пенсильвания», прибыть без промедления в Бельмонт».

Это приглашение заставило меня задуматься. Небольшое недоразумение, происшедшее когда-то между моей сестрой и мной, послужило причиной того, что мы не виделись с ней уже давно. Что случилось и как мне поступить? Ехать ли? Но текст телеграммы, подробный, полный излишних, на мой взгляд, слов, показывал, что мой приезд был крайне необходим. Вероятно, были какие-нибудь важные причины, заставлявшие ее обращаться ко мне. В конце-концов, родственные чувства к чему-то обязывают.

Через час после этого поезд Пенсильванской железной дороги доставил меня на станцию «Западная Филадельфия», а затем я нанял кэб, который доставил меня в Бельмонт. Там Корбеты жили в живописном Фермоунт-Парке на берегу реки, удобной для опытов подводного плавания.

Кэб проехал через западный квартал, переехал через мост и очутился в тени огромных деревьев. Пока мы ехали, настала ночь, но звезды так светили, что я издали мог различить дом моего зятя. Это совсем небольшой скромный домик, кажущийся еще меньше рядом с огромными зданиями мастерских и гаража, расположенными на обширном ровном лугу.

Я увидел домик издали, и сердце мое сжалось. Во всех трех зданиях освеще-

но было только одно окно домика. Ночная жизнь Корбетов вошла в поговорку у соседей; каждую ночь стеклянная крыша мастерской посылала в небо целый столб света; каждую ночь горели яркие огни в гараже. Поэтому темнота во всех трех зданиях заставила меня предположить что-то недоброе.

Меня встретил негр Джим; он провел меня в комнату зятя, единственную, которая была освещена. Рандольф лежал в постели весь желтый. Мне показалось, что у него был жестокий приступ малярии. Сестра сейчас же присоединилась к нам. За последние четыре года я видел ее только на портретах в журналах. Она почти не изменилась. Одетая она была, как всегда, в платье мужского покроя. Ее короткие волосы лишь слегка поседели, несмотря на ее преклонный возраст.

— Здравствуйте, Арчи, — сказал мне зять. — Я не сомневался в том, что вы исполните нашу просьбу. Мы нуждаемся в вас.

— Чем могу служить?

— Помочь нам...

— Не утомляйся, — перебила его сестра.—Я все расскажу и покороче, потому что время не терпит. Арчи, мы построили... Нет, успокойся, Ральф болен не опасно, но врач ни в каком случае не позволяет ему вставать с постели и выходить из комнаты. И не перебивай меня больше. Мы построили в полной тайне, — Ральф, Джим и я, — очень интересную машину. Боясь, что кто-нибудь и на этот раз опередит нас, мы решили испытать ее, как только она будет готова. К несчастью, эта болезнь вмешалась в наши дела. Сегодня мы должны испытывать машину, а Ральф слег. Отсрочить испытание нельзя, а для пробы нужны непременно трое. Ральфа заменю я. Джим заменит меня, а для того, чтобы заменить Джима, у меня нет никого, кроме тебя. От тебя не потребуются никаких особых усилий, никаких знаний. Во время испытания ты должен будешь соблюдать известную дисциплину, а после испытания мы тебя попросим только молчать. Я знаю тебя, Арчи. Лучше тебя никто не исполнит этого дела. Хочешь ты нам помочь?

— Согласен. Забудем все, сестрица. Я готов делать все, что вам нужно.

— Предупреждаю, что мы будем подвергаться некоторой опасности.

— Я не трус.

— Кроме того, опыт, который мы будем проделывать, поставит нас в очень необычное положение; скажу просто, что в нем будет нечто чудовищное.

— Безразлично. Я уже сказал, что готов помогать вам. Покажи мне комнату, где я мог бы выспаться. Я сейчас же лягу, чтобы завтра с утра быть готовым.

— Завтра? — воскликнул Корбет. — Совсем не завтра, а сейчас! Уже одиннадцать часов. Идите, друзья мои, идите, не теряйте времени.

— Как, сейчас, ночью?

— Да, — быстро ответил Рандольф. — Наш опыт должен по необходимости происходить снаружи и в темноте. Если бы мы устроили его днем, неужели вы думаете, что эти проворные инженеры не подсмотрели бы?

— Так опыт произойдет не в доме? Что же это, наконец, такое?

Этель волновалась.

— Довольно разговоров. Иди, раз ты согласился, — сказала она решительно. — Все готово. Вид аппарата заставит тебя понять назначение его лучше всяких объяснений. Переодеться? Надеть блузу? Не к чему. Нам не нужны переодевания, мы не на сцене.

— До свиданья, Арчи, — сказал мне Ральф. — До завтра.

— Скажи, пожалуйста, — обратился я к сестре, — он сказал мне «до завтра». Вы хотите увести меня куда-нибудь? Но ведь Ральф говорил, что днем мы не должны показываться. Что же, мы будем стоять где-нибудь? Где мы проведем день? Куда мы едем?

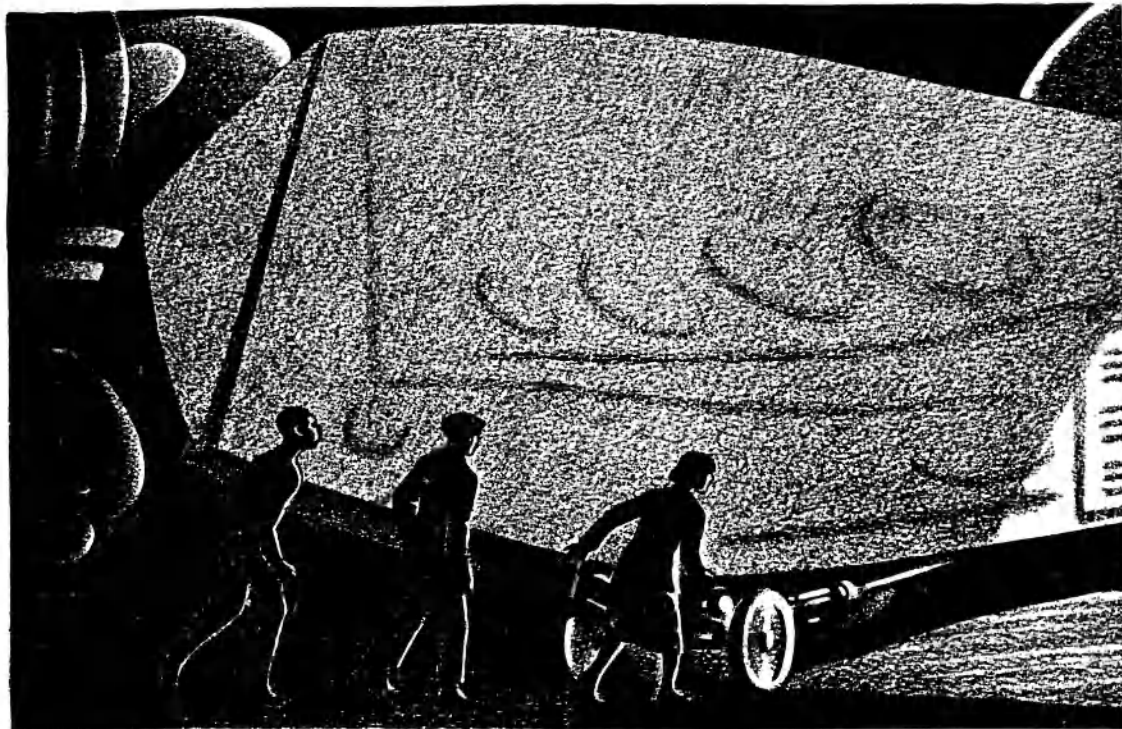
— В Филадельфию.

— Ну, вот! А где же мы, по-твоему?

— Конечно, в Филадельфии. Но мы опишем большой круг и вернемся сюда же.

IV. Загадочная машина.

Я умолк, чувствуя, что сестра не скажет мне ничего определенного, и решил наблюдать и делать самостоятельные

Этель налегла плечом на корму огромного аппарата, как бы для того, чтобы сдвинуть его с места. Джим покатился из гаража навстречу

заклучения. Этель не хотела привлекать внимания ротозеев и шпионов, поэтому в доме и в мастерской все было темно. Я шел за сестрой по длинному коридору и вышел затем в мастерскую.

Там было светлее. Бесчисленные звезды и поднимающаяся луна освещали расставленные повсюду странные предметы. Чтобы дойти до другого конца, нам пришлось пробираться среди невообразимого беспорядка, шагать через препятствия, обходить какие-то странные машины, с торчащими крыльями, как у мельницы. Этель двигалась среди этого хаоса без всякого затруднения, я же то-и-дело спотыкался и ударялся, то боком, то ногой, о какие-то торчащие части и, наконец, упал на что-то мягкое; это была оболочка воздушного шара. Когда я поднялся на ноги, то запутался в крыльях какой-то деревянной птицы. Когда мы, наконец, очутились в гараже около Джима, я вздохнул с облегчением. Гараж был огромный, как храм; в нем находилось несколько аэростатов. Они были расположены вдоль стен и имели самые разно-

образные формы: круглые, веретенообразные, овальные. Посредине гаража тянулось что-то блестящее, длинное. Этель указала мне на этот аппарат и сказала:

— Вот это и есть машина.

И она завела с Джимом разговор вполголоса.

— Так вот она, машина! — повторил я. — Огромный автомобиль? Или это, может быть, лодка?

Насколько можно было рассмотреть в полумраке, я заметил, что машина имела форму гигантского ножа, не острого, а только остроконечного. Лучшего сравнения я не могу придумать. Длинной она была метров 40, а высотой метров 8, в то время как ширина была не больше 1 метра. Но эту ширину она имела только в кормовой части; нос был очень тонкий, узкий и, очевидно, предназначался для разрезания воздуха или воды. Машина стояла на четырех приземистых колесах, снабженных шинами и рессорами. Между ними, под аппаратом, находились какие-то черные блоки, которые

и я хотели ей помочь, когда увидел, что металлический великан, сдвинутый плечом женщины, медленно своему неведомому будущему...

я не рассмотрел хорошо. Вся машина блестела каким-то матовым блеском.

Этель оттолкнула ногой валявшиеся на земле предметы и отворила небольшую дверь, находившуюся в корпусе машины. Я увидел небольшую каюту: 4 метра в длину, 2 — в высоту и 1 — в ширину. Там находились три сиденья, одно сзади другого, похожие на удобные сиденья автомобиля. Перед двумя передними блестел целый ряд рычагов, рукояток и педалей. Около третьего находились только два шнура с ручками, которые, очевидно, шли от руля.

— Вот твое место, — сказала мне Этель. — Ты займешь заднее сиденье, я — перед тобой, Джим — передо мной. И не стесняйся своим незнанием. Никто не требует от тебя лоцманского диплома. Тебе не придется вести судно между подводными скалами. Этот руль имеет совершенно особое назначение, и тебе, может быть, совсем не придется трогать его.

— Ну, а для чего же все эти рычаги?

Этель не слышала. Джим позвал ее за чем-то к корме, и она оставила меня одного любоваться каютой.

Отличная это была каюта! Сколько в ней было ручек, кнопок, дисков, разделенных на градусы, секторов, стержней, шнуров, спиралей, ключей, проводов, кранов и индикаторов! И какое множество всяких таинственных инструментов! Ничто там не было похоже на обычные вещи, кроме трех удобных кресел, о которых я уже говорил, да еще часов впереди.

Они были похожи на хороший хронометр, но за циферблатом была помещена карта обоих полушарий, способная вращаться вокруг вертикальной оси, как будто для того, чтобы объяснять по ней приговоришкам последовательную смену дня и ночи. Но зачем нужна была эта согнутая стрелка, конец которой указывал на Филадельфию? Я не мог объяснить себе этого, и продолжал осмотр.

Меня очень заинтриговала корзина, наполненная закусками и бутылками. Но где же окно? Окно не было. Как же мы будем смотреть на дорогу? И потом что это за аппарат, наконец? Автомобиль, лодка или дирижабль? И где механизм: на носу, на корме, над каютой? Каюта

занимала четвертую часть высоты сооружения и десятую часть длины.

В эту минуту раздался голос моей сестры:

— Джим, открой ворота гаража. Пора выводить лошадку.

Джим отправился к воротам и медленно растворил их. В темной массе дверей появилась полоска звездного неба. Потом я увидел лужайку, всю залитую серебристым светом луны. Вдали блестело небольшое озеро. Наша огромная кинжалообразная машина стояла готовая устремиться вперед. Какая огромная, еще скрывающая сила будет направлять это страшное оружие? Как станет оно двигаться, такое тяжелое на вид?

Мои мысли были прерваны внезапной темнотой, — сестра потушила лампу в каюте.

— Скорее, — сказала она. — Я хочу отправиться ровно в полночь. Ну - ка, Арчи, помоги мне. — И она налегла плечом на корму огромного аппарата как бы для того, чтобы сдвинуть его с места. Джим и я хотели ей помочь, когда увидели, что металлический великан, сдвинутый плечом женщины, медленно покатился из гаража навстречу своему неведомому будущему.

— Он хорошо уравновешен сегодня, — спокойно заметила Этель. — Я думала, что нам придется сдвигать его вдвоем. Нет, нет, оставьте! Это совсем не тяжело, — и она направила аппарат на середину лужайки. Я шел за ней.

— Прости уж, братец, — сказала Этель, — я тебе объясню устройство в пути, сейчас же я должна быть очень внимательной.

Какое волнение слышалось в ее голосе! Сколько долгих месяцев, полных напряженного труда, ждали изобретатели этой торжественной минуты!

Под открытым небом сооружение казалось мне не таким подавляюще огромным. Если смотреть на него спереди, оно было похоже на огромную саблю. Отойдя на некоторое расстояние, я заметил на нем некоторые выступы наверху и с боков. Этель осмотрела блоки между колесами.

— Отлично! — сказала она. — Все в порядке. И никакого ветра. Идеальная погода. Садитесь.

V. Полет вверх.

Мы вошли в каюту. Джим герметически закрыл дверь, и шумы природы, такие слабые, что я толково-что принимал их за тишину, замерли в наших ушах.

Мне сначала показалось, что в каюте было темно, и я опять начал недоумевать, какой смысл был в этом путешествии слепых пленников, когда мой взгляд упал на слабо светившуюся точку над головой моей сестры.

Там помещался род большого абажура, внутри которого что-то светилось. Опишу его подробнее: большая воронка в виде полшария, повешенная широкой частью вниз, в то время как узкая уходила в потолок. Эта узкая часть могла вытягиваться по желанию, опуская полшарие. Этель потянула за полшарие и надвинула его себе на голову. Вся голова ее осветилась бледным лунным светом. Тогда она встала и предложила мне сесть на ее место.

Я не мог удержать возгласа восхищения. Мне показалось, что я какой-то сказочной силой переместился наружу. Внутри воронки отражалось небо с нарождающейся луной, млечным путем, глубиной темного небосвода, блеском звезд, а ниже—белая равнина и серебристые холмы. Я оглянулся назад и увидел очертания Филадельфии со статуей Пенна и туманной шапкой, которая покрывает по ночам все большие города. Я увидел в воронке и скромный домик Корбетов, где больной Ральф в своей постели думал о нас. Вид этой живой миниатюры привел меня в восхищение. Я могу сравнить его с теми крошечными видами, которые фотографы видят на матовом стекле камеры. Но здесь пейзаж не был, как там, перевернут низом вверх, и потом он был здесь целиком в форме панорамы.

Я еще долго просидел бы под абажуром, если бы сестра не прогнала меня, ворча:

— Что ты находишь такого чудесного в этой игре стекол? На каждом подводном судне нашего флота есть такое приспособление. Как направление, Джим?

Воронка испускала свой голубоватый фосфорический свет. Приборы слабо вы-

делялись при этом освещении. Джим наклонился над компасом.

— Правильно, — ответил он. — Линия с востока на запад пересекает нас по длине.

— Отлично! Арчи, на руль! Держи его прямо вперед до нового распоряжения, понял?

— Да.

— Джим, вы здесь? Да? Внимание! Сбрасывайте балласт!

Негр нажал сразу на две педали, и я услышал под собой двукратное щелкание: впереди и позади что-то с глухим шумом упало на землю. Тогда мне показалось, что какая-то сила навалилась на меня и вызвала тошноту, как будто вогнав голову в плечи, грудь в ноги, а ноги в землю. Словом, я испытал то отвратительное чувство, которое всегда вызывается слишком резким подъемом лифта. Но это продолжалось очень недолго. Через минуту ничто не давало знать о движении нашего «вагона».

Я посмотрел вниз и заметил у своих ног что-то блестящее. Нагнулся — и не мог удержать восклицания. Мне стало страшно. Я закрыл глаза и крепко вцепился в ручки руля, испытывая сильнейшее головокружение. Пол каюты был сделан из совершенно прозрачного стекла, и мне показалось, что там ничего нет; сквозь зиявшее отверстие я видел город, который быстро погружался в какую-то бездну... Мы поднимались вверх.

Этель не обратила внимания на мое восклицание. Она внимательно следила за каким-то диском и громко провозглашала то, что на нем отмечалось:

— 300! 400! 600! 1.000! Джим, проверяйте на статоскопе. 1.050! 1.100! Верно?

— Да, верно.

— Сбросьте 30 кило балласта!

Джим опять надавил на педаль, опять послышалось щелкание, и сквозь стеклянный пол я увидел какую-то тень, плывшую между пропастью и нами, уменьшавшуюся с удивительной быстротой и вскоре исчезнувшую совсем. На этот раз не сбрасывали мешки с балластом, а разрезали их, и из них высыпался песок. С какой целью Корбеты

устроили свой аппарат так, чтобы не было никакого сообщения с внешним миром, я не мог понять, но спрашивать в ту минуту сестру было бы бесполезно. Она вся ушла в созерцание циферблата и, как во сне, провозглашала:

— 1.450! 1.475! 1.500 метров! Наконец-то! Ах! 1.540! Это слишком много.

Она схватила висевшую цепь и повисла на ней всей тяжестью. Над нами, на «чердаке» каюты, послышался свист выходящего газа, а стрелка на циферблате встала на 1.500.

— Так, — с удовольствием отметила моя сестрица, усаживаясь на свое место. Потом, посмотрев на часы, добавила:

— Без пяти! Отлично. Мы отправимся ровно в полночь!

Мы «отправимся»... Что она хотела сказать? Я с вопрошающим недоумением уставился на ее затылок, подстриженный по-мужски, и, наконец, не выдержал.

— Что это значит: «мы отправимся»? Ты сказала: «мы отправимся». Разве мы уже не отправились?

— Нет еще.

— Что же тогда нужно? Что ты хочешь сделать, Этель?

— Облететь вокруг света.

— Что?! Ты смеешься! Вокруг света?

— Да, вокруг света в двадцать четыре часа... Все в порядке, Джим?

Перспектива воздушного путешествия в обществе сумасшедшей приводила меня в ужас. Сквозь туман отчаяния я видел, как проклятый негр смотрел на поверхность воды в каком-то сосуде. Он обнаружил там, что наша машина шла слегка носом вниз. Сбросили немного балласта спереди, и машина вновь приняла горизонтальное положение, но поднялась на 20 метров. Этель объявила, что это пустяки, и, посмотрев на компас, сказала:

— Отлично! Мыс — прямо на западе.

В глубине часов пробило двенадцать, и сестра скомандовала:

— Пустить мотор!

VI. «Аэрофикс».

Джим повернул большой рычаг. И в то же мгновение позади нас, с глухим, но мощным шумом, проснулся невиди-

мый мотор. Шум становился все громче и громче, и по мере того, как работа мотора усиливалась, ветер усиливался за стенками каюты. Ветер ревел вокруг машины с таким бешенством, что я не мог сравнить его ни с каким явлением, обозначенным человеческими словами. Сквозняки свистели в щелях двери, хотя она была пригнана с идеальной плотностью; целое войско змей не могло бы издавать подобного свиста. В каюте крутились вихри.

Между тем, шум все усиливался, в особенности со стороны острого носа машины. Казалось, что там все время кто-то разрывает шелк. От работы мотора наша каюта вся содрогалась, и, дотронувшись до дрожавшей стены, я заметил, что она была нагрета. Через несколько времени я заметил, что температура в каюте быстро поднимается, а вскоре стало жарко, как в печи. Все это с несомненностью доказывало, что наша машина двигалась и притом с огромной быстротой. Я перестал считать свою бедную сестру сумасшедшей. Она сидела на своем кресле совершенно спокойная и, повидимому, предвидела все то, что с нами происходило.

Этель в это время следила за длинной линейкой, разделенной на градусы, по которой двигалась стрелка, и выкрикивала числа:

— 500! 600! 1.000! 1.200! 1.250!

Последнюю цифру она произнесла с торжеством, и в ту же самую минуту стрелка остановилась на линейке, так же, как и колонка ртути в трубочке, в то время, как шум мотора и свист ветра за стеной каюты продолжались попрежнему.

— 1.250! — повторяла с упоением Этель. — Итак, мы здесь...

И, взглянув на часы, она, видимо, сделала в уме какое-то вычисление и указала на карту.

— Джим, — сказала она, — в 12 часов 3 минуты и 45 секунд вы поставите «Торндаль» под кончик стрелки. Торндаль, — не правда ли? В этот час мы будем проходить над ним.

Джим дождался назначенного времени и повернул карту рукой так, чтобы неподвижная изогнутая стрелка указывала на Торндаль. Потом он нажал ка-

кую-то кнопку, и карта полушарий, приводимая в движение часовым механизмом, начала медленно вращаться вокруг своей оси, слева направо. Я с трудом приходил в себя от охватившего меня изумления.

— Этель! — воскликнул я, наконец. — Возможно ли это? Уже Торндаль?

— Нет, — ответила она, озабоченно следя за множеством всяких мелких аппаратов. — Торндаль мы уже миновали.

— Чорт возьми! Однако же, мы и двигаемся!

— Нет, мой друг, мы не двигаемся.

— Так что ж тогда? Объясни же мне все, наконец! — воскликнул я, выходя из себя.

— Мы не двигаемся. Это воздух двигается мимо нас. Наша машина стоит неподвижно в атмосфере. Вот почему, Арчи, я назвала ее «Аэрофикс», — «неподвижная в воздухе».

Я опять не мог удержаться от восклицания.

— Да, да. Подожди немного. Ну вот, теперь у меня все в порядке, только закрыть вот этот кран... Теперь я могу говорить с тобой. Да будет свет в твоей душе и в этой каюте.

Сестра повернула выключатель, и каюта осветилась электрическим светом, яркость которого сразу уничтожила в перископе свет луны и звезд.

— Так это воздух движется? — повторил я совершенно растерянно.

— Неужели тебе ни разу не приходило в голову, что все способы передвижения, применяемые людьми, до крайности нелепы? Неужели целесообразно переезжать, расходя на это пар и электричество, по вращающемуся земному шару, в то время, как нужно только приподняться над ним и остаться неподвижным, чтобы все точки одной и той же параллели постепенно проходили под нами, одна за другой, и мы могли бы опуститься по желанию на любой из них.

— Чорт возьми!

— Вот в этом-то и заключалась мысль, которую мы с Ральфом осуществили. «Аэрофикс» служит этому доказательством. Да, да! Воздух пробегает кругом него, а земля — под ним. С точки

зрения центра «Земли» — планеты наша машина стоит в пространстве неподвижно. Она обладает двигателем, который преодолевает силу притяжения вращающейся вокруг своей оси земли. Вот в этом-то только смысле она и неподвижна, потому что наша старая планета продолжает уносить машину с собой в своем движении вокруг солнца, а солнце уносит ее с собой через бесконечное пространство вселенной. Но только земля, вращаясь с запада на восток вокруг своей оси, заставляет нас как бы перемещаться с востока на запад и делать кругосветное путешествие в 24 часа или, точнее, в 23 часа 56 минут и 4 секунды. Совершенно, как солнце.

— Однако же, — робко сказал я, сделав некоторые вычисления в своей записной книжке, — я очень хорошо помню, что окружность земли равняется 40.000 километров. В таком случае, если ей нужно 24 часа, чтобы сделать полный круг на своей оси, ей надо было бы пробегать под нами 1.666 километров в час, да еще с несколькими сотнями метров.

— Недурно для начинающего! — насмешливо произнесла Этель. — В тебе сказался кассир и торговец бечевками. Но, милый мой, такова окружность земли только на экваторе. Если бы мы с тобой поднялись с плоскогорья Квито, наш измеритель скорости показывал бы, действительно, 1.666,6 километра. К сожалению, мне приходится тебе напомнить, что Филадельфия, откуда поднялся «Аэрофикс», находится на 40-й параллели, которая имеет протяжение в 30.000 километров, так как она расположена ближе к полюсу. На этой широте земной шар обладает скоростью только в 1.250 километров в час. Что бы ты сказал, если бы мы поднялись с одного из полюсов, которые остаются неподвижными вместе со всеми точками земной оси? У нас под ногами было бы все время одно и то же место, и все, что мы увидели бы там, сводилось к пустынному ледяному ландшафту, вращающемуся вокруг полюса, как пластинка на граммофоне. Заметь вот еще что: чем выше поднимается машина в пределах атмосферы, увлеченной в круговое движение землей, тем быстрее движение

воздуха мимо нее, потому что тем дальше она от центра движения. Для более высокого под'ема нам понадобилась бы и большая сила, чтобы преодолевать силу движущегося воздуха и оставаться неподвижными, если бы воздух не разрежался по мере удаления от земной поверхности. Чем яростнее налетает на нас ветер, тем меньшая у него плотность. Наш нож на носу разрезает его все с той же легкостью, так как здесь большая быстрота движения уравнивается меньшей плотностью.

— А зачем мы остановились на 1.500 метрах?

— Потому что высшая точка земной поверхности на 40-й параллели приблизительно достигает этого уровня. Если бы мы поднялись ниже, мы могли бы налететь на Скалистые горы.

— Так, значит, мы следуем все время точно по 40-й параллели?

— Совершенно точно. Мы путешественники кругосветные поневоле, друг мой. Взгляни на компас. Его стрелка не дрогнула бы ни разу за 24 часа, если бы магнитный полюс совпадал с полюсом земли. Север у нас все время направо.

— Итак,—пробормотал я в каком-то восторге отчаяния,—завтра мы опять будем в Филадельфии, пройдя всю 40-ю параллель. Так вот оно, кругосветное путешествие, о котором ты мне говорила!

— Совершенно верно, Арчи. Посмотри теперь на карту полушарий. На ней последовательно отмечаются все наши положения. Конец стрелки представляет собой неподвижный «Аэрофикс». Каждые двадцать четыре часа те же самые места проходят под ней. Завтра под ней очутится Филадельфия. Но мы немного опоздаем благодаря замедлению движения, необходимому перед тем, как остановиться, так же, как и для того, чтобы при под'еме достигнуть скорости движения земли. Эти два маневра требуют некоторой постепенности; если я сразу остановлю мотор, что, впрочем, и невозможно, — воздушное течение овладеет нашей машиной, и передняя стена обрушится на нас с силой летящего снаряда.

Я чувствовал, как у меня на лбу выступали капли пота, а ладони становились влажными.

— Проклятая жара,—проворчал я.— И проклятый свист. Тебе приходится кричать во весь голос, а я тебя едва слышу.

— Да, да. Всему этому причиной трение воздуха. Ты тоже задыхаешься?

Она открыла небольшие отверстия, которыми были испещрены двери и которые вели наружу наискось по направлению к корме. Вентиляторы оказались великолепными, в каюте стало сразу свежо.

— Сколько труда,—продолжала между тем моя сестра,—мы положили на то, чтобы найти средство против чрезмерного нагревания. Ральф изобрел обмазку, рассеивающую тепло, которой покрыта вся наружная обшивка машины.

Я собирался начать разглагольствования о противоречивых свойствах воздуха, о способности его охлаждать тела при одних скоростях и воспламенять их при других, более высоких, когда сестра опять вдруг потушила лампу.

Когда я немного привык к темноте, то увидел опять ее голову под абажуром перископа, всю белую под его молочным светом.

— Их величества Скалистые горы!—Провозгласила она.—Любуйся. Арчи!

Волшебная воронка была вся залита синим светом. На небе плыли облака. Самые отдаленные, казалось, ползли очень медленно, ближайшие мелькали, как пушистые молнии, некоторые из них заслоняли нам вид на несколько мгновений. Появившись из-за горизонта, т.-е. из-за края абажура, быстро надвигалось на звезды темное пятно. Оно имело очень странные очертания, белый свет играл на его краях, и я понял, что это шла на нас с головокругительной быстротой горная цепь.

Ледники при свете луны казались огромными опаловыми потоками, похожими на хвосты комет; бледный свет озарил наш прозрачный пол; нам казалось, что горы подпрыгивают и мечутся подобно испуганному стаду в горах.

Потом все улеглось. Горные вершины ушли в невидимую даль.

И вот мне показалось, что прозрачный пол каюты весь состоит из мелких граней и блестит, как собрание множества алмазов. Негр при этом пришел в совершенно идиотский восторг...

Он давился, корчился и выкрикивал какие-то бессвязные восклицания, приветствуя Великий океан.

Этель подтвердила:

— Да, это океан. 3 часа 22 минуты. Он явился точно в назначенное время.

— А что, если мы упадем?—выразил я опасение.

— Не бойся ничего, старый трус и дорогой брат, — «Аэрофикс» построен прочно.

— Да, да, — поспешил я заявить, сконфуженный ее замечанием, — я это только так... Я вижу, что этот «аппарат тяжелее воздуха» построен прекрасно.

— Это—дирижабль, Арчи, настоящий аэростат с газом. Никакое другое сооружение не могло бы удержаться в этом вихре воздуха. Но ты понимаешь, что у «Аэрофикса» гондола, где находится мотор, должна иметь прочную оболочку, в противном случае эта оболочка, чтобы сопровождать движение земли, наляжет на канаты и порвет их, если сама не будет сломана с самого начала. Поэтому наш аппарат представляет собой одну сплошную лодку, сделанную из сплава алюминия с другим металлом, имеющим вес пробки и, к сожалению, не обладающим достаточной крепостью. Лодка разделена на два этажа горизонтальной перегородкой. Верхний этаж над нами наполнен газом, известным нам одним и обладающим весом в шесть раз более легким, чем водород. Нижний этаж разделен на три части: в среднем находится наша каюта, впереди—очень узкий приемник, где сосредоточены «аккумуляторы Корбет», — почти неиссякаемый источник электрической энергии, — а сзади—помещение мотора.

Мотор, это—наша гордость. Ты, быть может, думаешь, что он дает миллионы лошадиных сил? Нет, «Аэрофикс» совсем не похож на пароход, идущий против течения и обладающий лишь такою мощностью, которая не позволяет течению отбрасывать судно назад и удер-

живает его на одном месте. В таком случае ты был бы вправе сказать, что Корбетовы ничего не изобрели.

Я тебе повторяю: наш мотор не двигает «Аэрофикса», а освобождает его от увлечения вращением земли.

— Но что же это тогда? — спросил я.—Объясни мне, какой принцип...

— Я не могу сказать тебе этого, — ответила сестра. — Не сердись, но Корбет был бы недоволен этим.

— Но ты ведь знаешь мою скромность...

— Ну, хорошо, Арчи, я наведу тебя на верный путь, но больше ничего не спрашивай. Помнишь волчки, которые назывались жироскопами и которыми мы забавлялись в детстве? На протянутой нитке они вертелись не падая, не смотря ни на какое положение. С поддержкой вращения они образовывали самые невероятные углы и, казалось, нарушали все законы равновесия и тяготения. Вспомни их применение хотя бы в Англии. Луи Бреннан, инженер, применил тот же принцип к своей однорельсовой железной дороге, так что вагон, так же мало устойчивый, как остановленный велосипед, держится на одном рельсе или на стальном канате, перекинутом через пропасть. Словом, всякий предмет, снабженный жироскопами, остается уравновешенным в положении неустойчивого равновесия так же, как если бы он обладал большою скоростью. Применение жироскопа заменяет приобретенную скорость. Эту силу мы увеличили при помощи некоторого приспособления. Позади тебя шесть жироскопов—шесть усовершенствованных волчков—вертятся в пространстве.

— А они не могут случайно остановиться?

— Для этого нужно, чтобы произошло непредвиденное несчастье. Бреннан доказал, что с той минуты, когда их перестают приводить в движение, жироскопы продолжают вращаться в течение 24 часов, из них 8 часов с полезным действием, — а этот промежуток времени более чем достаточен для того, чтобы отдаться силе движения воздуха и выбрать место, куда опуститься. Несчастье может произойти только от

поломки... словом, от поломки того специального приспособления, о котором я тебе говорила. А так как мы не будем делать этого нарочно, то...

— Этель! Я восхищен! — воскликнул я в диком восторге.

— Теперь ты понимаешь, почему я так легко выкатила машину из гаража? Мешки с песком, подвешенные снизу, уравновешивали под'emную силу, нейтрализуя ее. Машина обладала на деле весом всего в несколько кило, необходимым для того, чтобы удерживать ее на земле. Эти грузы автоматически могут сбрасываться изнутри машины. Мы все предвидели. Мы испытали сначала уменьшенную модель, размера небольшой лодки, и из предосторожности заводили мотор в мастерской. Но маленький «Аэрофикс» сыграл с нами плохую шутку: он пробил стену и вонзился в один из холмов Бельмонта. Там он и сейчас.

— Но неужели,—спросил я еще,— нет опасности, что газ воспламенится от жары?

— Успокойтесь! Для этого прежде всего нужна искра. Откуда же она возьмется?

— Я очень рад. Я теперь понял вашу систему, Этель. Но вначале я принял ваш авто-иммобиль¹⁾ за огромный автомобиль.

— Наверное, из-за колес? Колес с рессорами? Они служат только для того, чтобы смягчать удар при опускании на землю. Приземлившись, не испытываешь никакого сотрясения, и катишься на них на протяжении нескольких метров прежде, чем остановиться. Аэропланы снабжены такими же колесами.

— Да, да, — бормотал я. — Да, да, прекрасно!

VII. Остановившаяся полночь.

Ощущения нашего сказочного путешествия смущали, однако, мои мысли. Я не мог оторвать глаз от вращающейся карты, медленное круговое движение которой отмечало наш путь по 40-й параллели.

Этель заметила мое состояние.

— Я подозреваю причину твоего удивленного состояния, — сказала она. — Все новые изобретения кажутся нарушением законов природы. После всех великих открытий люди, по крайней мере, в течение недели, считают их чудом и сверх'естественными вещами. Некоторые жертвы науки кажутся преступниками, которых справедливо покарали за нарушение установленных законов. И вот Арчибалд Клерк, например, считает себя свидетелем темного дела.

Мне совсем не хотелось спорить. Психология толпы перед лицом великих открытий меня совсем не интересовала.

— Ужасно! — шептал я тихо. — Ужасно! Океан, кажется, никогда не кончится... Интересно знать, какой он глубины.

— От 1.000 до 2.000 метров. Мы находимся где-то между 140 и 160 меридианами.

— Да, правда. Скоро 5 часов.

— 5 часов теперь в Филадельфии, но не в тех местах, над которыми мы находимся. Здесь полночь. Где бы мы ни находились, всегда полночь.

Я содрогнулся.

— Правда, солнце не восходит...

— Ну, конечно. Оно все время по ту сторону земного шара. Мы с ним играем в прятки. Арчибалд, мы с тобой потеряем один светлый день нашей жизни и проживем лишнюю ночь. Позже, когда это изобретение войдет во всеобщее употребление и у каждого будет свой «Аэрофикс», я уверена, люди будут совершать эти неподвижные путешествия днем. Тогда враги тьмы будут в состоянии жить среди непрерывного дня, в тихие сумерки или при блеске постоянного рассвета. Посмотри на небо в глубине перископа,—он постоянно отражает одно и то же небо. Все стоит неподвижно, кроме луны. Созвездия не меняют места. Можно сказать, что небесные часы остановились.

— Да, но зато есть другие часы, которые продолжают прекрасно идти. Это—часы моего желудка. И в данную минуту они бьют час завтрака. Этель, я голоден.

Мы принялись за еду. Вы можете судить по этому, что состояние моего духа снова стало благоприятным. После

¹⁾ По смыслу—«лишающий себя движения».

...На «Аэрофикс» с головокружительной быстротой шли страшные пепи Скалистых гор... Ледники при свете луны казались огромными опаловыми потоками, похожими на хвосты комет. Бледный свет озарил прозрачный пол «Аэрофикса»; казалось, что горы подпрыгивают и мечутся, как испуганное стадо.

завтрака мне стало еще веселее. Подкрепившись превосходными консервами и целым стаканом брэнди, я чувствовал себя в узкой каюте почти так же хорошо, как в купе спального вагона.

От пережитого нервного напряжения осталась только общая усталость. Я чувствовал, что мои веки тяжелеют; было тепло, от перископа шел слабый свет. Свист воздуха и жужжание жироскопов убаюкивали меня. Сквозь туман дремоты я слышал, как Этель сказала, что мы прошли четвертую часть пути, и больше ничего не слышал.

— Нет-нет, братец! Этого никак нельзя!—услышал я вдруг ее голос над самым ухом.—Ты, кажется, спишь? А если ты мне будешь нужен зачем-нибудь? Нельзя спать! Проснись!

— М-м-м!

— Неужели тебе не хочется взглянуть на Японию, которая сейчас у нас под ногами?

— К чорту Японию!—буркнул я.— Там темно и все равно ничего не видно...

Джима это ужасно забавляло. Он хохотал. Я обиделся и сказал ему что-то неприятное. Этель сейчас же остановила меня. Негр на своем месте давился и задыхался от сдержанного смеха, и, хотя я не мог видеть его лица, мне все время представлялась его неуместная улыбка. Повелительный тон сестры заставил меня успокоиться, и я, чтобы переменить разговор, спросил ее, где мы находимся.

— В нескольких милях к северу от Пекина.

И опять наступила тишина. Я вполне сознательно называю тишиной тот непрерывный шум, который окружал нас. Я так привык к нему, что больше не слышал его, так же, как мы не слышим тех привычных звуков, которые постоянно наполняют нашу земную природу.

Я долго боролся со сном. Чтобы лучше одолеть его, я старался заинтересоваться всем, что происходило кругом; я наблюдал за своими спутниками, следил за тем, как Джим то-и-дело сбрасывал балласт, я созерцал выразительный затылок моей сестры или старался себе представить, как в городах и деревуш-

ках, которые мелькали у нас под ногами, под рогатыми крышами домиков мирно спали в своих китайских кроватях наши желтолицые братья. Но воображение без знания—ничто. Я совершенно не знал, какие у китайцев кровати, а смотреть было мало толку. Я не различал даже деревьев. Мне приходилось все выдумывать, как детям, об'езжающим чудесные страны на деревянной лошадке, не выезжая из детской.

Наконец, Этель бодро и весело провозгласила тоном слуги из вагона-ресторана:

— Прошу за стол, господа! Полдень.

— Полдень в полночь!—ворчливо сказал я.

Наш завтрак был похож на ужин. Так же был похож на него и обед. Никому не хотелось есть. Под нами проплывали последовательно Каспийское море, Турция, Греция, Калабрия, Испания и Португалия. Но видеть что бы то ни было я не имел возможности, а фантазировать уже устал. Я с раздражением отбивал дробь по нашему прозрачному полу, чувствуя, что долго не выдержу в своей узкой келье. Когда, около 12 часов, Этель приказала мне быть очень внимательным и помнить о своих обязанностях, я радостно встrepенулся. Сестра об'яснила мне, что она остановит мотор и затормозит действие жироскопов, чтобы наша машина постепенно была подхвачена движением земли и нам можно было бы спуститься в Филадельфию.

Лампа излучала свой яркий свет. Джим повернул большой выключатель и перевел несколько рычагов. В корме послышался скрип тормозов о колеса, воздух свистел все слабее и слабее, а стрелка на измерителе скорости начала опускаться.

Я крепко сжимал ручки от шнурков руля. Сестра строго запретила мне передвигать их без особого приказа. Время от времени я видел через пол блестящую поверхность океана, на которой какой-то океанский пароход проводил двойную светящуюся линию,—красную и белую.

Это положение продолжалось неопределенный промежуток времени, который показался мне бесконечным. Наклонив-

шись через плечо сестры, я увидел, что лицо ее было встревожено.

— Дело в том, — ответила она на мой вопрос, — что мы недостаточно замедляем ход. Я боюсь, что мы пролетим мимо Филадельфии.

На часах было половина первого, а воздух свистел все еще достаточно сильно.

— Ты думаешь, — сказал я, — что нам придется приземлиться где-нибудь в окрестностях? Если это будет дальше 100 километров от города...

Негр покачал головой.

— Нет, Джим, не правда ли? — сказала сестра. — Конечно, нечего и стараться. Я слишком поздно остановила мотор.

— Ну, так что же, — сказал я беззаботно. — Остановимся позже, и вы дадите задний ход.

— Арчибалд, ты — осел! Наш аппарат — не автомобиль, а авто-иммобиль, ты сам это сказал. Для того, чтобы мы могли полететь назад, надо, чтобы земля начала вращаться в обратном направлении. Единственное разумное, что мы можем теперь сделать, это пропустить еще раз нашу планету под нами и затормозить для спуска раньше. Пустите мотор опять в ход, Джим, и сбросьте немного балласта.

Когда она отдала это ужасное приказание, я увидел внизу слабо светившееся пятно — огни Филадельфии, которые промелькнули и погасли.

— Бедный Ральф! — сказала Этель. — Он будет тревожиться.

И, не давая мне времени опомниться, она стала подробно раз'яснять мне, каким способом будет лучше всего достигнуть Бельмонта завтра, когда мы спустимся на землю. По ее предположениям, «Аэрофикс» должен был приземлиться не дальше 20 километров от города. Оттуда придется доставить его в гараж лошадами, и мы будем дома еще до рассвета.

VIII. Катастрофа с «Аэрофиксом».

Этель, прежде всего, позаботилась о том, чтобы дать каждому необходимый отдых. Она и Джим должны были дежурить по очереди. Что касается меня, завлеченного в это путешествие по не-

ведению, то мне было предоставлено спать хоть все время. Я думаю, что сестра боялась моей нервности, которая проявлялась у меня в порывах тревоги и в раздражении против Джима.

Изнемогая от усталости, я растянулся на стеклянном полу каюты и заснул.

Когда я проснулся, перископ освещал каюту слабым светом; Этель спала, похожая в этом полумраке на мертвеца. Джим, огромный и уродливый, величаво исполнял свою ответственную обязанность. Кругом нас молчала безысходная ночь.

Я поддался внезапному страху и сделал бессознательное движение отчаяния. Моя рука коснулась какого-то гладкого холодного предмета... Это была бутылка с брэнди... Я стал пить его, совершенно не думая о том, какое действие он окажет на мою усталую голову в тесном неудобном помещении, где я был заперт.

Было 7 часов. Мы находились над Бамарскими островами, когда Этель отдала приказ остановить мотор.

— Ну, Арчи, вставай! Довольно спать! Возьмись за руль!

— Слушаю, мадам Корбет, — сказал я с любезной улыбкой. — К вашим услугам, мадам Корбет.

Сестра торопливо осветила каюту и подозрительно посмотрела на меня. В течение почти всего дня она сидела ко мне спиной и не знала, спал я или нет. Радостное выражение моего лица она написала приятной перспективе скорого прибытия в Бельмонт.

Тормоза скрипели. Ветер затихал. Мои спутники были совершенно поглощены сложными операциями над непонятным мне механизмом. Мне стыдно было за свое бездействие. Но благородная гордость наполняла меня при мысли о том, какие важные услуги я окажу, управляя рулем при спуске. Тогда они увидят мой талант рулевого. Раз-два, — правый борт! Раз-два, — левый борт!

И, чтобы увидеть, что получится, я дернул по очереди за оба шнура. Само собой разумеется, руль остался неподвижен. Сжатый воздушным вихрем, он не мог двигаться на своих шарнирах. Я дергал изо всех сил, но ручки оставались в прежнем положении. Это меня

рассердило. «Нет, ты сдвинешься, голубчик!» — заявил я про себя упрямому рулю. — «Ты сдвинешься, чего бы мне это ни стоило!».

И я дернул так сильно, что одна из ручек оторвалась, выдрав при этом из перегородки довольно большой кусок.

Это сразу охладило мой пыл. Я притих и думал уже только о том, как бы мои спутники не заметили, что я натворил.

Но опасения мои были совершенно напрасны, потому что оба были заняты своими аппаратами. Я старался прицепить рукоятку на прежнее место, но стержень, к которому она прикреплялась, ушел в отверстие, через которое он проходил в кабину. Было безумием с моей стороны надеяться, что мне удастся поправить беду, не входя в помещение мотора. Кроме того, я совершенно не знал устройства руля.

Но я неумоимо работал над этим предприятием, обреченным на неудачу. И вдруг терпение мое лопнуло. Гнев овладел мной. Я изо всей силы толкнул ручку вглубь и вверх. Она встретила какой-то предмет, который подался почти так же легко, как лист картона. Ручка прошла его насквозь. Я почувствовал, что ручка застряла в образовавшемся отверстии, и с силой дернул ее. Тогда вдруг послышался свист, заглушивший свист воздуха.

Этель прислушалась. Увидя меня выдергивающим ручку из отверстия, где она застряла, сестра дико вскрикнула.

В это время ручка подалась, наконец. Послышался слабый треск, как будто что-то вспыхнуло... Оба бросились ко мне, крича:

— Джим! Скорее! Газ выходит!.. Там, кажется, искра!..

Но было уже поздно.

Джим бросился к жироскопам. А я, теряя всякое соображение, открыл дверь, которая вела... в бездну. Но броситься я не успел. Стало невыносимо жарко. Раздался оглушительный гром, невыносимо яркий свет, невыносимо громкий треск. Я ухватился за дверь и потерял сознание...

Конец приключения известен вам, господа, лучше, чем мне.

IX. Загадочный человек.

Мистер Арчибальд Клерк окончил свой рассказ. Мы, фазинув рты, слушали, как он произносил свои последние слова и допивал последний глоток вина. Благодаря его стараниям поубавилось сигар в ящике, а виски осталось в бутылке только на дне. Мы часто перебивали рассказ мистера Клерка восклицаниями: «А!» «О!» Мне несколько раз приходилось помогать ему подыскивать слова. И он пользовался этими минутами перерыва для того, чтобы истреблять сигары и виски.

Гаэтан бесцеремонно глазел на этого единственного уцелевшего участника чудесного путешествия. Мистер Клерк встал и подошел к одному из иллюминаторов, но в них ничего не было видно, кроме однообразных волн и ясного неба.

— Ну, и что же дальше, дружище, — сказал Гаэтан, который не сразу мог переварить чудесное изобретение Корбетов.

— Итак, — перебил я его, — вы думаете, что ваша сестра и негр погибли?

— Это почти наверное так, — ответил он безучастным тоном.

Мы молча стали созерцать этого странного человека.

— Мистер Клерк, — прервал я, наконец, молчание, — не можете ли вы объяснить мне следующее: когда мы проходили под «Аэрофиксом», я заметил что-то странное в его свисте. В первый раз он был услышан нами, — я не смею сказать «после того, как заметили машину», потому что свет не был виден издали, — но после, вероятно, его появления из-за горизонта. А между тем, когда «Аэрофикс» уже скрылся за горизонтом на западе, свист его все еще был слышен. Во второй раз было почти полное совпадение света и звука: мы видели и слышали их приблизительно в одно и то же время.

Клерк, подумав, ответил:

— Это очень просто, мистер Синклер. В первую ночь, достигнув уровня вашей яхты, мы едва замедляли ход и наша скорость была выше скорости звука на 46,66 метра в секунду. Понимаете? На вторую ночь замедление было значительно, и обе скорости были, повидимо-

Туманность вдруг засветилась ярко, как солнце, блеснула, как молния, свист прекратился и раздался оглушительный гром. Вся яхта содрогнулась; поднялся ветер, который сейчас же утих, на несколько минут всколыхнув море... (к стр. 5 и 20).

му равны. Может быть, вы хотите, чтобы я объяснил вам это на примере?

— Нет, не трудитесь.

— Это совершенно просто. Задача для учеников младшего возраста¹⁾.

— Но, черт возьми, — перебил его Гаэтан, — с вашей сообразительностью, которая мне кажется незаурядной, вы, наверное, сумеете нам объяснить более подробно конструкцию «Аэрофикса».

— Я сказал все, что знал, — ответил Клерк, — и, если я доверил вам свою тайну, то только потому, что вы спасли меня и что ваше желание знать мою историю было очень настойчиво. Повторяю еще раз, что двигателя, — самую интересную часть машины, — я не видел. Ни разу обстоятельства не сложились так, чтобы я мог или мельком взглянуть устройство. Может быть, из тех замечательных или хотя бы предположить ее ний, которыми моя сестра обменивалась со своим помощником, ученый мог бы сделать интересные заключения и понять устройство жироскопов. Я не мог этого понять по недостатку технического образования. То, что объяснила мне сестра, я понял потому, что это было очень просто, и потому, что у меня есть кое-какие знания по механике. Если я запомнил несколько цифр, то этого никак нельзя приписывать моей учености, а следует объяснить тем, что я, в качестве кассира, постоянно имею дело с цифрами. И в настоящую минуту у меня нет более горячего желания, как вернуться к этой спокойной обыденной работе, лишенной всяких чудес, но зато и опасностей.

Произнеся эти мудрые слова, мистер Клерк умолк. И с тех пор мы ни разу не могли заставить его рассказывать про «Аэрофикс»: он говорил, что этот предмет наводит на него грустные мысли.

До самого нашего прибытия в Гавр он хранил суровое молчание насчет своего воздушного путешествия. Мы с трудом вырвали у него кое-какие подробности

¹⁾ Напомним читателю, что, по рассказу Клерка, в первую ночь Этель опоздала выключить мотор. Поэтому его объяснение правдоподобно, но не совсем: в первую ночь скорость «Аэрофикса» равнялась, по этому расчету, $46,66 + 330 =$ около 377 метров в секунду, около 1.360 км. в час, — т.-е. выше первоначально указанной — 1.250 км. Здесь Клерк явно путается.

о Трентоне, кабельной промышленности и его торговом доме «Братья Реблинг». Говорил он всегда только со мной. Гаэтан ему, видимо, не нравился. Так как Клерк, тем не менее, был его гостем, то вел себя вежливо, но отвечал на вопросы до крайности лаконично.

Как только «Океанида» причалила к пристани, Клерк, отказавшись от денег, которые ему предлагал Гаэтан, бегом миновал мостки и исчез в толпе.

Мистер Клерк превратился для нас в воспоминание. Отсутствующие — не более, как отвлеченные идеи. Покойники и путешественники представляются нам где-то далеко; мы их видим издали, и нам заметны только самые яркие их черты, а это искажает их истинный облик. Мистер Клерк сохранился в моей памяти в образе какого-то чудака. Эксцентричность его была прямо в глаза. Когда он исчез, его рассказ стал казаться нам сказкой, а сам он — призраком.

Я предложил, правда, немного позже, произвести опрос всей команды «Океаниды». Но нам удалось выяснить только, что перед уходом мистер Клерк роздал матросам щедрые денежные подарки. А так как он был, по его словам, кассиром, то нам это показалось подозрительным. Но это было еще не все. Кассир из Пенсильвании, из Америки, расплатился французскими монетами!

В то время, как Гаэтан катил на автомобиле в свой замок Винец на Луаре, я ехал в противоположную сторону в поезде, и мысли мои были полны этим загадочным человеком и его странным заключением.

Через несколько недель после моего возвращения домой я собрал об этом интересовавшем меня деле значительное количество материалов, которые, по мере получения, складывал в папку.

Там находились прежде всего вырезки из газет и бюллетеней обсерватории, отметившие «дождь падающих звезд» 19, 20 и 21 августа и появление болида над Европой в ночь с 19 на 20 августа.

Кроме того, там находились переведенные по моей просьбе свидетельства итальянских, испанских и португальских корреспондентов, живущих на 40-й параллели и находившихся вне дома ночью 20 и 21 августа. Никто из них не

видел на небе никакой загадочной свещающейся точки и не слышал никакого необычайного свиста.

Что они ничего не видели, в этом не было ничего удивительного: мадам Корбет тушила огни, когда «Аэрофикс» находился над городами. Но как они могли ничего не слышать? Впрочем, я должен оговориться, что все эти свидетельства заслуживают полного доверия.

Вот каким образом я их получил. Один из моих племянников получает небольшой «всемирный» журнальчик, печатающийся на нескольких языках. Это — орган одного из самых почтенных международных клубов. Подписчики этого журнала любят обмениваться всевозможными сведениями и предметами, начиная с иллюстрированных открытых писем вплоть до поэм, которые нигде и никогда не будут напечатаны. Любезности моего племянника я и обязан этими корреспонденциями из Испании, Италии и Португалии, как, впрочем, и всем дальнейшим содержимым папки.

Там были еще переводы писем, полученных из Трентона и Филадельфии. И то, что они сообщали, было далеко не в пользу мистера Клерка.

Правда, в Филадельфии находился Фермоунт-парк, и там, к западу от реки, был расположен Бельмонт, окруженный открытой холмистой равниной, весьма удобной для подлета и спуска аэропланов, но никаких Корбетов там не было.

В Трентоне существовала канатная фабрика братьев Реблинг. Но ни одного из кассиров фирмы не звали Арчибальдом Клерк.

Итак, мой герой опять остался без имени и должен был превратиться в «спасенного», «несчастливого», «потерпевшего крушение».

X. Новая тайна.

Прошло несколько месяцев, в течение которых я ничего не слышал о лже-Клерке. Я терялся в догадках относительно всей его истории, когда третьего дня почтальон принес мне письмо. Оно было заключено в два конверта. На внешнем, кроме адреса, была марка почтового отделения 106. Площадь Трокадеро. На

внутреннем конверте стояло мое имя, написанное совершенно другой рукой, которой было написано и самое письмо.

Г-ну Жеральду Синклеру, писателю.

212, ул. Арман Фальер. Париж, XV.

Дорогой друг!

Я очень прошу вас извинить мое странное поведение на «Океаниде». Вы, наверное, давно поняли, что я разыгрывал комедию, и считаете мое поведение непозволительным. А между тем, я и сам предпочел бы молчать. Зачем вы принудили меня говорить? Вы и, главным образом, ваш друг. Вы были моими спасителями, вы имели полное право все знать, но ваш долг был — ни о чем не спрашивать.

Нет, признаюсь, я не американец и не кассир Арчибальд Клерк. Я инженер, француз, и аппарат, который я испытывал в ночь нашей встречи, не был, в сущности говоря, «Аэрофиксом». Я, конечно, мог объяснить вам все до последней мелочей. Но мое изображение так крупно и так просто, что я предпочел втереть вам очки, а не выдать свою тайну.

Кто вы были? — Я вас совершенно не знал. Прибавьте к этому еще, что манеры и обращение вашего друга далеко не способны вызвать доверие в человеке, который мало его знает. Ведь вы тоже могли обмануть меня относительно ваших имен и рода занятий. Да если бы даже этого и не было: есть ли на свете люди, более болтливые, чем праздношатающийся миллионер и писатель, ищущий тем для романов? Разве я не прав? Не пеняйте на меня за эту откровенность и за мою выдумку.

Если вас удивляет быстрота, с которой я придумал свою повесть, то я вам сейчас расскажу, как в моей выдумке мне помогала действительность. Прежде всего, я воспользовался тем, что в предыдущую ночь на небе действительно появлялся метеор, который вы, со свойственным человеку стремлением комбинировать, соединили с моим появлением в волнах. Руль «Океаниды», который был сломан, помог мне сочинить историю о сломавшемся руле «Аэрофикса». Нахождение вашего судна на 40-й параллели дало моей фантазии соответствующее направление. Но странно, что главная мысль вымышленной повести была мне внушена самой незначительной из ваших фраз. Я говорю о ваших ночных обедах и завтраках, которые, по вашим словам, были похожи на ужины...

Чтобы сбить вас с толка относительно своей национальности, я назвал Филадельфию, куда я часто езжу по делам. Это было мне очень удобно: я мог говорить очень медленно и осторожно выбирать слова, в то время, как вы были уверены в том, что перед вами иностранец, плохо владеющий языком.

Вы, может быть, хотите знать, как я догадался, что вы не знаете английского языка? На это я вам отвечу: если незнакомый человек ничего не отвечает на ваши вопросы

и, видимо, не понимает вашего языка, разве каждый человек не попытается об'ясниться с ним на всех языках, которые ему маломальски знакомы? Вы говорили со мной только на французском.

Вы видите, что я был вооружен с головы до ног. Чтобы лучше разыграть свою роль, я нарочно пил слишком много виски, — это придавало больше правдоподобности истории с бутылкой брэнди.

Но не считайте себя простаками. Даже и более проницательные люди без подозрений дослушали бы меня до конца. Каждый день почти происходят события, невозможные с точки зрения науки сегодняшнего дня. Каждый раз, как кошка, падая с крыши, становится на все четыре лапы, она бросает вызов науке. То, что она делает, не может быть сделано; наука не разрешает этого. Точно так же, по формуле Ньютона о сопротивлении ветра, птицы не имеют права летать.

Поэтому не упрекайте себя за то, что вы мне поверили, и не сердитесь на меня. Для

того, чтобы принести вам свои извинения, я не стал ждать минуты, когда смогу загладить свою вину полным признанием. Я это еще сделаю. Причина, которая позволяет мне писать вам сегодня, заключается в окончании постройки нового аппарата по модели номера первого, погибшего в море. Теперь нескромность не может мне повредить. Моя машина готова к полету. Через несколько дней вы узнаете, кто я и что такое моя машина. И когда прочтете в журнале восторженные отзывы о моих опытах, тогда вы, пожалуй, не поверите потому, что они будут чудеснее «неподвижного путешествия».

Я пришлю вам в подарок запись о своих впечатлениях. Вы можете их использовать для какого-нибудь рассказа. А пока я вам очень охотно даю разрешение напечатать тот маленький роман, который я имел смелость сочинить для вас, — конечно, если вы считаете его интересным для ваших читателей.

Так я и сделал.